

зочных добрых текстах, наличие проклятий неизбежно. Сила веры в данное загадочное явление настолько глубока, что продолжает внушать определенный страх даже в современном мире, что имеет как рациональные, так и психологические и социальные причины, и что еще раз доказывает актуальность и значимость изучения данного явления.

Literatura:

Avdikos 2011: Avdikos, Evangelos Gr. “May the Devil Take Your Head and Brain: The Curses of Karpathos, Greece, Social Counterstructures, and the Management of Social Relations”. *Journal of American Folklore*. 2011, 124 (492): 88–117.

Drinkwater 2019: Drinkwater, Ken. *The Psychology Behind Why People Believe in Curses*. Manchester Metropolitan University, 24 December, 2019. Web. 2 August, 2020. [hitechglitz.com/the-psycholo...;](http://hitechglitz.com/the-psycholo...) Internet.

Roper 2003a: Roper, Jonathan. “English Orature, English Literature: The Case of Charms”. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. 2003a, 24: 50–61.

Roper 2003b: Roper, Jonathan. “Towards a Poetics, Rhetorics and Proxemics of Verbal Charms”. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. 2003b, 24: 7–49.

Underberg 2004: Underberg, Natalie M. “Curses: Motifs M400-M462”. *Archetypes and Motifs in Folklore and Literature*. Armonk: Routledge, 2004.

Հայրապետյան 2014: Հայրապետյան Թ.Լ. *Երգիչի պանդխտի վեր ընգամլու մտասը իրատ*, Եր., <<Անտարպրես>>, 2014.

ՀժՀ 1966: ՀժՀ հ. V, *Արցախի, աշխ. Ա. Նազիկյանի և Մ. Գրիգորյանի*, Եր., <<ԳԱ հրատ.>>, 1966.

Maria Filina

Georgia, Tbilisi

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University

Polish “Caucasian Poets” – Collectors of Georgian Folklore

The exiled Poles expanded the ideas of their compatriots about the Caucasus in the 1830-1840. The leading Polish writers were interested in the folklore of Caucasus and wrote its samples – legends and poetic examples of Georgian folklore.

Some samples were recorded by the Poles earlier than Georgian and North Caucasian scientists. Most of the samples of folklore are given in the book by Mateush Gralowski "The Caucasus". Gralovsky retells legends, and also cites poetic samples in his translation.

The work of Polish writers on Caucasian folklore was episodic in nature, but they aroused the interest to it among European writers and scholars of the next generations.

Key words: Georgian-Russian literary relations, Polish "Caucasian poets", collectors of Georgian folklore.

Мария Филина

Грузия, Тбилиси

*Тбилисский государственный университет им. Ив.Джавахишвили,
Институт Славистики*

Польские «кавказские поэты» – собиратели грузинского фольклора

Представляется несомненным тот факт, что на Кавказе, в частности, в Тбилиси как центре культурной жизни Закавказья с конца 1830-х до конца 1850-х годов функционировал своего рода малый филиал польской литературы – литературы кавказского изгнания.

Наиболее численный наплыв поляков был связан с репрессиями после «ноябрьского» восстания 1830-31 гг. Оно стало самым драматическим событием для целого поколения, для первого поколения романтиков. Восстание определило еще один своеобразный раздел Польши – на тех, кто остался на родине, и на эмигрантов. В определенном смысле 1831 год является символическим, поскольку в популярных работах пишется, что польскую кавказскую поэзию и прозу создали сосланные после ноябрьского восстания. Это удобная формула и при ответе на вопрос: откуда взялись в Грузии поляки? Однако, хотя участники восстания направлялись рядовыми в Кавказский корпус, их роль в группе «кавказцев» не была ведущей. Здесь следует учитывать, что в первые годы ссылки условия службы в армии оказались крайне тяжелыми, польские солдаты сотнями гибли в горах, и было не до литературного сообщества.

В действительности же тысячи политических ссыльных сослались на Кавказ и после восстания Костюшко, и после раскрытия заговоров Конарского, ксендза Петра Сцегенного и других. Кто же составил эту группу?

Основное ее ядро составляли так называемые “конарщики”, сосланные участники заговора Шимона Конарского, казненного в 1839 году. Далее по значению идут политические дела, в связи с которыми сослались в основном студенты, чаще всего – члены Содружества польского народа. Последняя крупная волна – это сосланные после 1844 года по «списку» ксендза Петра Сцегенного, проводившего демократическую пропаганду среди крестьян. Таким образом, в ссылке оказались, в первую очередь, студенты Виленского (Вильно) и Киевского университетов и их окружение.

Ссылные писатели осознавали, что выражают мысли части поколения и представляют большую группу польской интеллигенции, судьба которой, благодаря их стараниям, может запечатлеться в памяти соотечественников не только как легенда культуры, но и как четкое свидетельство истории.

Польская кавказская литература как некое целое возникла не только, а, быть может, не столько в результате неволи авторов – она была необходимостью заполнения духовной пустоты. Такова одна из ее определяющих глубинных черт. С этой ведущей мотивацией связаны и тематика, и система образов, и лирический тон.

Мы имеем дело с особой словесностью, возникшей в экстремальной ситуации и воплотившей в себе экстремальность. Наследие кавказских авторов несет в себе черты маргинальной словесности, но литературы, как неотъемлемой части общекультурного процесса.

В поэзии «кавказцев» почти все романтические образы порой получают вполне реальное, почти бытовое наполнение. Наследие этих поэтов позволяет утверждать, что в нем проявилось оригинальное, польское отражение того края, в котором они оказались по воле судьбы. И принятые в романтизме сюжетные ходы вынужденным образом становятся реалистическим отражением обстоятельств судьбы.

Вообще знаменательно, что именно Кавказ стал и в русской, и в польской литературе катализатором перехода от романтического

к реалистическому восприятию действительности. По-видимому, сама разнородность кавказского мира «спровоцировала» этот переход. Казалось бы, Кавказ безусловно настраивал на романтическое восприятие его величественной природы, но когда автор погружался в жизнь кавказских народов, он представал перед ними в такой клубке противоречий, что вызывал необходимость разобраться не только в этих противоречиях, но и в собственной поэтической позиции.

Деятельность ссыльных, в частности, в области изучения Кавказа была весьма многогранной. Первое место среди их интересов занимает Грузия, ибо пребывание в Тбилиси было для каждого желанным.

Следует отметить, что при всем печальном, порой безнадежном тоне повествования многие поляки, сосланные на Кавказ, в том числе и поэтический лидер группы – Тадеуш Лада-Заблоцкий оказались людьми сильными и проявили немалую творческую инициативу. Многие из них, особенно рассеянные по отдаленным полкам, оказались в ситуации почти отчаянной, в обществе людей, с которыми не могли иметь ничего общего, но проявили незаурядную творческую энергию.

Одной из важных сторон их деятельности является углубленный интерес к истории, литературе и этнографии кавказских народов. И фольклорные материалы, и тексты чем дальше, тем больше места занимают в кругу интересов «кавказцев».

К примеру, Тадеуш Лада-Заблоцкий в подробном обзоре польской литературы на Кавказе в письме к издателю альманаха «Литературный ежегодник» „Rocznik Lliteracki” (Вильнюс, в польском варианте – Вильно) Ромуальду Подберескому отмечает:

«Михал Анджейкович все еще работает над своим «Описанием Кавказа» в историческом, этнографическом, статистическом плане и еще в иных представлениях. Отрывок из этого произведения, отмеченного немецкой эрудицией, он отослал Крашевскому в «Атенеум». Теперь пишет «Очерки Кавказа», в которых основой будут история, этнография и археология, и собирается издать их под именем Бутовт. Хуго Корсак, молодой человек, пишет повесть под названием «Киколи» на основе грузинских преданий. Это будут картины обычаев, обрядов, поверий и характеров жителей этого края.

Отрывки, которые он мне читал, отмечены точностью наблюдений» (Филина, Оссовска 2016:240).

Отметим, что принятое в литературе название «группа польских кавказских поэтов» носит условный характер, поскольку некоторые из ссыльных, оставившие интересные тексты, поэтами не были, но по своей общественно-литературной позиции близки с ведущими участниками названной группы.

Пожалуй, самый подробный прозаический документ ссыльных поляков – «Кавказ. Воспоминания о двенадцатилетней неволе». Обратимся к нему, поскольку именно его автор – Матеуш Гралевский оставил запись фольклорных текстов.

Революционер, публицист и этнограф Матеуш Гралевский (Граляк) – одна из ключевых фигур среди польских политических ссыльных, которые в XIX веке сыграли важную роль в изучении Грузии и Кавказа. Он был чуть ли не единственным крестьянином по происхождению среди «кавказцев». Матеуш окончил местную школу с таким успехом, что владелец имения Вацлав Александр Мацеёвский устроил его в гимназию, записав под фамилией с дворянским окончанием – Гралевский. В Лечницах он вступил в тайную молодежную организацию – кружок Вернера. В 1843 году организация была раскрыта.

Гралевский был заключен в Варшавскую Цитадель. После мучительного следствия приговорен к ссылке на Кавказ солдатом в Ширванский полк и был вынужден принимать участие в боевых операциях рядовым. В 1848 году генерал З.С.Манюкин вписал его в дворянский список, что позволило Гралевскому добиваться офицерского чина. В 1852 году он в Таганроге сдал экзамен, получил чин и теоретически мог подать в отставку. Гралевский тяжело страдал оттого, что ему приходилось воевать против горцев. В его «Кавказе» этому уделено больше места, чем в работах других авторов.

Гралевский пробыл на Кавказе 12 лет, вернулся в Польшу в 1856 году, после амнистии Александра II и включился в нелегальную деятельность. По возвращении он некоторое время жил в имении сестры, а также в Украине. Постепенно вошел в круг организаторов готовящегося восстания, в 1861 году переселился в Варшаву. Известно, что Гралевский тесно сотрудничал с Центральным комитетом и

вместе с «кавказцем» Юлианом Сужицким и «сибиряками» Агатом Гиллером и Гервазием Гзовским.

Гралевский сотрудничал с А.Гиллером в варшавском народном журнале «Воскресное чтение» („Czytelnia Niedzielną”). В нем печатались также «кавказцы» Телесфор Шпадковский и Казимеж Лапчиньский.

В самом восстании 1863 года Гралевский был одной из видных фигур, хотя сведений о его непосредственном участии в боевых действиях почти не сохранилось. Однако известно о дерзкой попытке освободить Ярослава Домбровского из Цитадели, где в свое время пребывал в заточении сам Гралевский.

Гралевский – один из немногих «кавказцев», сосланных в начале 40-х и принимавших участие в восстании 1863 года. После разгрома январского восстания он бежал за границу. Будучи в Швейцарии, а позже в Париже, Гралевский приложил немало усилий, чтобы представить свой кавказский опыт широкому кругу заинтересованных. В Швейцарии он начал издавать журнал «*Братерство*» («*Братство*»), задуманный совместно с К.Мишковским. Журнал мыслился как издание, направленное на поддержание патриотизма среди крестьян. Вышли в свет 2 томика журнала, в третьем была помещена статья «*Несколько слов о грузинах*» (Gralewski 1865: 84-86) и текст «*Песни грузинки*» (Gralewski 1865: 87-92). Издание это фактически не доходило до Польши и распространялось среди эмигрантов.

Значительную часть времени в те годы он провел за границей. Отметим тот факт, что в 1869 году в Париже в эмигрантском Комитете научной помощи он прочел публичный доклад «*Поляки на Кавказе*», подробный отчет о котором переслал в «Познаньский ежедневник» („Dziennik Poznański, 1869, № 291) друг Гралевского Агатон Гиллер, крупнейший знаток деятельности поляков периода восстания, пребывавший тогда в эмиграции (Giller 1869). Это еще один весьма важный документ о «кавказцах», попытка составления фактографии и одновременно целостной оценки явления, сформулированной самим ссыльным, то есть изнутри. Документ тем более ценный, поскольку у автора был шанс обратиться к широкому читателю. Познаньскую публикацию сразу же перепечатал выходивший во Львове «Литературный дневник» (1869, № 52).

Гралевский представил широкую панораму активной деятельности ссыльных, размышлял о философском, политическом, культурном и практическом смысле их пребывания в изгнании. В его описаниях вырисовывается оптимистический, энергичный образ поляков на Кавказе, невзирая на жертвы и страдания, которые они переносили. Рассказывая о литературном творчестве ссыльных, Гралевский отмечает «трогательную тональность» их сочинений и тот факт, что «на Кавказе было больше поэтов, чем в Сибири».

В Париже он работал над восстановлением пропавших текстов и материалов, которые собирал в годы ссылки, фактически заново создавал свой большой труд о Кавказе. В 1867 работа была завершена, Гралевский годами пытался издать «Кавказ» в эмиграции, но это ему не удалось, несмотря на поддержку Ю.И.Крашевского. Со временем Гралевский получил разрешение на переезд в Галицию, переселился в Краков, а позже – во Львов. Там в 1873 году он издает «Письма из плена», а в 1875 году появляются «Грузия с Осетией» и в расширенном варианте – «Поляки на Кавказе». Труд, созданный в Париже, увидел свет во Львове лишь через 10 лет после его завершения при поддержке Адама Доминика Бартошевича, друга Гралевского по эмиграции. С Бартошевичем, впоследствии львовским издателем, Гралевский встречался в Париже. Его произведение по политическим причинам не могло быть издано на территории российского влияния. Издав произведение без участия цензуры, Гралевский смог представить читателю свои антицарские взгляды.

В годы пребывания во Львове писатель путешествовал по Галиции, собирал этнографический материал и публиковал его в различных журналах.

Гралевский обладал необыкновенной восприимчивостью к культуре иных народов. Он быстро осваивал обычаи и хорошо изучил историю Кавказа. Фактически единственный из писавших поляков, Гралевский досконально разобрался в сложном составе кавказских народов, хотя и у него в записках встречаются неизбежные неточности. Он пытался постичь внутренние противоречия среди горцев и подчеркивал моменты общественной несправедливости, к которой был весьма чуток. «Кавказ» написан с позиции наблюдателя, который осмысливает кавказскую действительность как человек, имеющий

свои определенные взгляды и прекрасно разбирающийся в законах функционирования политических и общественных механизмов российского государства. Записки, наряду с произведениями Геддона Гедроича – самый острый антицарский документ, вышедший из-под пера кавказских литераторов-поляков.

По силе протеста против деспотизма его труд можно сравнить лишь с литературными произведениями, созданными западными эмигрантами, такими, как «Гость чеченца» Константина Гашчиньского или издаваемой за пределами Польши «Поэзия Мазура» Яна Канта Радецкого. Быть может, тот факт, что Гралевский писал «Кавказ», находясь в самом центре эмигрантских споров и сведения счетов после восстания, и позволил ему провести столь зрелый анализ своего кавказского опыта. Но нельзя сбрасывать со счетов и иные факторы. Он попал на Кавказ в 18 лет, пробыл там достаточно долго (12 лет) для того, чтобы сквозь поверхностные суждения и стереотипы проникнуть в сущность многих проблем.

По его очеркам трудно установить, какие именно годы он провел в Тбилиси, но жил Гралевский в столице Грузии довольно долго. Связи его с грузинской интеллигенцией достаточно широки. Как указывает сам автор, та часть, которая была издана во Львове, являет собой текст, восстановленный через 20 лет по памяти, что привело к некоторым неточностям. Напротив, поразительно, как могла память сохранить такие подробности после всего, что Гралевскому довелось пережить на родине.

Собственно Грузии Гралевский посвятил обширную главу «Грузия с Осетией» (около 50 страниц) (Gralewski 2015: 385-438). Отметим попутно, что Осетией он называет лишь земли, расположенные вокруг Владикавказа. В части, посвященной Грузии, приводятся самые подробные сведения о географии, истории, этнографии и культуре страны. Описание начинается с восточных земель (автор ехал из Гянджи). Описывая нужду, которую довелось ему увидеть, Гралевский делает первое заключение: *«А грузинский народ заслуживает лучшей доли, ибо это народ с настоящей душой и честным сердцем. Искренняя расположенность его характера манит к себе тех, кому отвратительны коварство и мошенничество»* (Gralewski 1877: 361).

Тбилиси поразил Гралевского своим величием: *«Приветствую тебя, Тифлис, с твоими садами и источниками. Приветствую тебя, город, раскинувшийся вдоль Мтквари (Куры) и погруженный в многовековые воспоминания, семь раз поменявший свой облик и семь раз разрушенный! Приветствую тебя, гордость народа, повествующего о своей тридцативековой истории!»* (Gralewski 1877: 361).

«Кавказ» при всей склонности автора к резким выводам, особенно когда это касается политики властей, при несомненных преувеличениях в описаниях и цифрах, отличается насыщенным фактическим материалом, этнографическими наблюдениями. Гралевский проявляет большую заинтересованность в самых разных сферах жизни Грузии. Особые симпатии его отданы крестьянам (вспомним, что и сам он крестьянин по происхождению). Во многих разделах книги Гралевский отмечает, в какой нужде жили крестьяне на Кавказе, в частности, в Грузии. Из всех польских авторов он отнесся к ситуации наиболее дифференцированно: Гралевский пишет о том, что ознакомился с бытом Грузии в той ее части, которая прилегает к Тбилиси и расположена по Военно-Грузинской дороге. Что касается Кахетии, как отмечает повествователь, у него есть другие сведения, что люди живут там более зажиточно, а не во вросших в землю саклях, которые он видел в горной части Грузии.

«Кавказ», как и большинство очерков и воспоминаний ссыльных, представляет собой записки путешественного поневоле. Сходным пафосом насыщены и «*Очерки Кавказа*» Михала Анджейковича – один из наиболее подробных документов литературы ссылки.

Его познавательное значение достаточно подробно описано, хотя актуальность этого произведения в наши дни требует отдельного изучения. Гралевского можно считать первым историком кавказской ссылки. Информационное значение его «Кавказа», несомненно, велико. Отрадно, что на «Кавказ» обратили внимание современные издатели, и за последние годы он был опубликован с различными комментариями дважды (Gralewski 2011; Gralewski 2015). Гралевский живо интересовался историей, этнографией и обычаями Кавказа. В его описания значительное место отводится легендам, сказаниям и поэтическим фольклорным образцам. Можно

сказать, что он был одним из первых, кто стал записывать образцы фольклора, услышанные им от местных жителей.

Гралеvский не разграничивал грузинский фольклор от устного народного творчества иных народов Кавказа, хотя следует иметь в виду, что он дифференцировал историю и обычаи различных народов и глубже иных проник в этнографическое многообразие Кавказа.

Заметим, что хотя Гралеvский не был писателем в строгом значении слова, он, как и все его поколение поздних романтиков владеет мастерством стиха, интересуется фольклором и даже предлагает свои поэтические переводы, в которых стремится сохранить музыкальный строй оригинала.

Приведем несколько образцов его фольклорных записей. В главе «Грузия с Осетией», которая нас более всего интересует (Grlewski 2015: 385-438), и знаменательно, что в середине XIX столетия он воспринимает Грузию и Осетию фактически как единое целое, Гралеvский описывает свое путешествие из Тифлиса в Осетию. Одно из ярких его впечатлений – пребывание в районе вершины Гуд.

Приведем фрагменты отрывка и текст предания в переводе / перевод наш – М.Ф./:

«Самым высоко расположенным человеческим поселением с южной стороны является село Коби.

Нам посоветовали пройти расстояние в две мили до соседней станции пешком. Мы согласились. Нам дали две убогие поклажи с вещами. Здесь никто не передвигается на лошадях, кроме курьеров и путешественников без поклажи. Те, кто прибывают с большим багажом, вынуждены за хорошие деньги нанимать у осетин несколько или до десятка волов.

Это было в начале июня, и посему в горах было мало снега, и он не грозил обвалами. Мы тащились по грязи, а кое-где проходили по нерастаявшим еще глыбам льда, застрявшим в потоках, несущихся к Арагве. Дождь лил как из ведра. Мы остановились у Гуд-горы, чтобы передохнуть.

Гора Гуд – самое опасное место зимней порой и в начале весны. Не один курьер, да и многие десятки купцов пропали там навсегда, сброшенные снежной лавиной в бездонное ущелье, в котором пенится и светлой лентой плывет Арагва. Каждый год в период схода ла-

вин путешественники, караваны, военные вынуждены задерживаться надолго, пока кое-как удастся очистить дорогу и сделать возможным продвижение.

В представлениях местных жителей у горы Гуд есть свой дух, поскольку на Кавказе каждая вершина должна иметь своего духа, но дух Гуд – самый страшный.

Проводники вынули из сумок колючий ячменный хлеб и, закусывая сыром, смачно ели.

– Как это Вы, спросил я, – едите такой плохой хлеб?

– А он у такой, – сказал один из них, – другого у нас нет.

– У нас бывает, – вставил другой, – что и такого вовсе нет.

– Это лишь обычная жалоба, – предположил я, – ведь я уверен, что никто из вас не дошел то такой нищеты, чтобы не иметь куска хлеба.

– Да испытал, – ответил осетин, – я пережил такие дни, что падал от голода в дороге. Часто наши посевы пропадают на поле от ранних морозов. Откуда же брать хлеб? Спускаемся тогда на заработки в долины или несем на продажу то, что дома земля родит, но нам тогда словно назло, мало платят...

– Я иначе судил о вашем благополучии, ведь я видел ваши крепкие дома и чистую утварь.

– Это обычай у нас такой, возможно потому, что бедность «светится».

Мы тронулись с места, пробираясь по топкой грязи. Проходя мимо глубокого ущелья, в котором виднелось селение, разговорчивый осетин произнес:

– Я Вам расскажу интересную историю, которая произошла как раз в этом селе, и вы поймете, какой голод у нас бывает.

– О, очень просим, – сказали мы одновременно.

Село это называется Омлет /по-видимому, речь идет о Млета – М.Ф./, – начал осетин. – Оно небольшое, из нескольких саклей состояло. В одной из них жила когда-то чудо-девица. Она была так прекрасна и пленительна, что все смотрелись на нее, как на ра-дугу. И местные, и чужие – все на нее заглядывались, а проезжие купцы с караванами всегда оставляли ей дорогие подарки. Не только люди, но и духи в нее влюблялись. А сильнее всех влюбился в нее дух Гуд-

горы. Когда она шла к вершине, тропинка с нею возносилась, вокруг расцветали цветы, а камни укладывались для нее в ступеньки. Если у всех пастухов что-то всегда из стада исчезало, у девушки никогда ни одного ягненка не пропало. Когда ей минуло 15 лет, влюбился в прекрасную девушку юноша из ее села. А поскольку он был красивым, стройным, умелым наездником, отличным стрелком и с жаром отплясывал лезгинку, то девушке он пришелся по сердцу. Отпраздновали обручение, но свадьбе противился Гуд и разными способами докучал молодым. То заблудил юношу в чаще, когда тот охотился на оленя, то окутал его густым туманом, когда он возвращался со стадом овец, а то и напускал на него метель. Отвага юноши все одолевала аж до тяжелой зимы. Когда пришла зима и усадила всех у очага в доме, страшный Гуд разыграл бурю, сбросил снежную лавину на саклю, в которой юные влюбленные вдвоем веселились.

Придя в себя от ужаса и обнаружив несколько кусочков хлеба и сыра, они были рады, что не умрут с голоду, пока люди их не откопают. Прошли день, второй и третий, и хлеба давно уже не было. Молодой человек сначала опечалился, потом рассердился, потом пришел в ярость. Поначалу любовь его покинула, а потом человечность исчезла. Он превратился в зверя, как тигр, схватил девушку своими жилистыми руками, вонзил свои острые зубы в ее белое тело и вырвал кусок ее мяса. Тогда сельчане с лопатами, искавшие жертв, услышали пронзительный, но слабый крик девушки, и стали энергичней рыть снег и откапывать несчастных. Презрение девушки обрушилось на молодого человека навсегда, и Гуд так радостно рассмеялся над ними обоими в отместку, что, трясясь, с насмешливым свистом шевелил каменные глыбы, которые катились по ущельям, наполняя воздух своим свистом.

Осетин, веря в сказку, которую он рассказал, передавал ее со всем огнем воображаемой силы. Он восхищался девичьими прелестями, боялся безмерной силы Гуд-горы; и когда говорил о годе жениха, даже изменился в лице!.. (Gralewski 2015: 418-420).

Интересно обращение Гралевского к поэтическим образцам фольклора. Впервые эту тему кратко рассмотрела профессор. Ольштынского университета Данута Оссовска – мой соавтор по тому «Судьбы поляков на Кавказе» (Filina, Ossowska 2015).

Гралевский не указывает точных источников, часто в целях конспирации (а он был профессиональным конспиратором) он не называет фамилии или иные точные данные, а пишет эвфемизмами: «один образованный грузин», «мой попутчик» и т.п. В главе «Грузия с Осетией» он приводит тексты народной песни «Набади» и песенки о двух реках, Бзунджа и Базарицкали.

«Текст «Набади» повествует о героическом прошлом грузинского народа:

Trzy burki czernieją w polu!
To ojciec i dwaj synowie
Przyszłym plonem się radują,
Orząc w bawoły, głośno wyśpiewają:
Haralo! Haralo!

Pomyśleli o spoczynku,
Każdy z nich lemesz się składa.
Za strawą czekają w cieniu,
Żona na męża, a siostry na braci.
Gdy modlitwę odmówili,
I pokrzepili się strawą,
Powracają znów do pracy
I orząc pługiem, głośno wyśpiewają:
Haralo! Haralo!

Ostre kindżały są Dżarców,
Dla krwi ludzkiej i grabieży
Tłumy ich w pola się wparły;
Kobiety w lasy uciekły,
Szukać tam dla się kryjówek.
Chłopi jęli się gwintówek,
Wzniesli na wroga topory...
Z rolników stali się dzielni rycerze!..
Wiatr potem uginał dojrzałe kłosa.
Tam, gdzie na wiosnę czerniały trzy burki,
W jesieni trzy niewiasty płakały pod krzyżem!
Smutno było, cicho... nnie było komu śpiewać
Haralo! Haralo!

Подстрочный перевод:

Три бурки чернеют в поле!
То отец и два сына
Радуются будущему урожаю,
Пашут на буйволах и громко поют:
Харало! Харало!

Подумали о передышке /отдыхе/,
Каждый сложил свой лемех,
И ожидают на трапезу в тени –
Жена – мужа, а сестры – братьев.
Когда завершили молитву и подкрепились,
Вернулись вновь к работе,
И орудуя плугом, громко запели:
Харало! Харало!

Остры кинжалы у джарцев /воинов/
Для крови человеческой и грабежа.
Толпы их залили поле;
Женщины убежали в леса,
Надеясь найти убежище.
Мужчины схватились за винтовки,
Подняли топоры на врага...
Крестьяне стали дельными /истинными/ рыцарями!
А ветер потом сгибал созревшие колосья.
Там, где весной чернели три бурки,
Осенью три женщины /невесты/ рыдали под крестом!
Печально было, тихо... и не было кому затыкнуть
Харало! Харало! (Gralewski 2015: 403-404)

Важен контекст, в котором приводится текст песни. Гралевский в «Кавказе» сообщает много данных из истории Грузии, а один отрывок посвящен обзору истории с древних времен до середины XIX столетия. Источником он, в частности, называет «образованного грузина» из горийского уезда, которого обозначает криптонимом Дж. (проф. Важа Кикнадзе с большой степенью вероятности утверждает, что за Дж. Скрывается князь Александр Джембакур-Орбелиани) (Кикнадзе 2017: 69-77).

В данном случае он подробно рассматривает случай с пленением Шамилем членов семьи Орбелиани и Чавчавадзе. Далее описывает стычки и набеги войск Шамиля, в которых гибли грузины: «По пути похода Шамиля от хребта гор до села «Шильда» земля усыпана многочисленными надгробиями над прахом погибших людей».

«Для смягчения горя народа, а еще более для успокоения господ, заложник – сын Шамиля Дхамаеддин, который в то время был уланским поручиком и находился в Ленчице, был возвращен отцу в обмен на упомянутых княгинь и их свиту. Родные княгинь еще выплатили имаму сорок тысяч рублей в звонкой монете.

А похищенные крестьяне? Остались в рабстве. Господа о них не вспомнили, и русские тоже не позаботились. Полеглим на поле битвы людям и их родным в утешение остались лишь церкви и грустные песни. Затягивали они свои вечные песни со все добавлявшимися куплетами, обычно разложенные на многие голоса. Чаще всего люди пели свою «Набади» (Gralewski 2015: 403).

Текст другой песни, который нам не удалось идентифицировать (обратилась с ним к профессору Зурабу Кикнадзе, он заинтересовался и счел, что это очень ранняя запись), вплетен в рассказ о тифлиссских банях. Гралевский только прибыл в Тифлис, был поражен самой процедурой купания и мастерством терщика.

«Из этого лебединого купания я вынес следующую песенку:

Быстрый Базарицкали
Влюбился в волны Бзунджи;
Но гордая Бзунджа желала
Плыть к морю сама,
Но когда на повороте они, однако,
Встретились друг с другом,
Оказался в объятиях Бзунджи
Быстрый Базарицкали.

(Gralewski 2015: 389)

Описания грузинского фольклора встречаются и у других поэтов – Анджейковича, Петрашкевича. В их записях, как и в текстах Гралевского, многое еще предстоит выяснить. Очевидно одно –

поляки одними из первых обратились к кавказскому и, в частности, грузинского фольклору, представили его образцы европейцам. И этот факт имеет, несомненно большое значение как для фольклористов, так и для культурологов и историков.

Литература:

Filina ... 2015: Filina, M., Ossowska, D. *Losy Polaków na Kaukazie*. Część I. „Tbiliska grupa poetów zesłańczych. Tbilisi: 2015. Wydawnictwo „Uniwersal”. 320 s. (на польском языке).

Giller 1869: Giller A. *Polacy na Kaukazie. Sprawozdanie z odczytu M. Gralewskiego w Paryżu*. „Dziennik Literacki”. 1869 nr 52; toż: „Dziennik Poznański” 1869 nr 291.

Gralewski 1865: Gralewski M. *Kilka słów o Gruzinach*. „Braterstwo”. 1865 nr 3.

Gralewski 1877: Gralewski M. *Kaukaz. Wspomnienia z 12-letniej niewoli*. Lwów: 1877.

Gralewski 2011: Gralewski M. *Kaukaz. Wspomnienia z 12-letniej niewoli*. Warszawa 2011, Fundacja „Kaukaz.net”.

Gralewski 2011: Gralewski M. *Kaukaz. Wspomnienia z 12-letniej niewoli*. British Library: 2011, Historical Print Edition. 580 str.

Gralewski 2015: Gralewski M. *Kaukaz. Wspomnienia z 12-letniej niewoli*. Poznań 2015, Wyd. Zysk i S-ka. 586 str. (Гралевский М. Кавказ. Воспоминания о двенадцатилетней неволе. Познань: 2015. Изд. Zysk i S-ka. 586 с.)/

Кикнадзе 2017: Кикнадзе В. *Кто скрывается под инициалами «Дж.» в книге Тадеуша Гралевского „Кавказ“ ? В: Польский Кавказ*. Т. II. Тбилиси: Изд. «Универсал», 2017. С. 69-77.

Письмо ... 1849: *Письмо Тадеуша Лады-Заблоцкого из Тифлиса от 10 июня 1843 года*. „Rocznik Lliteracki” («Литературный ежегодник»), 1849, T.IV. В: Филина Мария, Оссовска Данута. Судьбы поляков на Кавказе. «Тбилисская» группа ссыльных поэтов. Часть I. Тбилиси: Издательство «Универсал», 2016. С.245.

Филина 2016: Филина М., Оссовская Д. *Судьбы поляков на Кавказе*. Часть I. «Тбилисская группа» польских поэтов. Тбилиси: Изд. «Универсал», 2016. 316 с. (издание на русском языке).